

Фольклор в разнообразных его проявлениях имел большое значение для Николая Васильевича Гоголя. Он вырос в атмосфере, в которой были живы отголоски старины. На слуху были различные легенды, сказки, поверья, — словом, те “побасёнки”, о которых он позже столь восхищённо писал: “Побасёнки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось всё, что было, а побасёнки живут и повторяются поныне. <...> Побасёнки!.. Но мир задремал бы без таких побасёнок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души”¹.

В его окружении, среди родственников и многочисленных гостей хлебосольного дома Гоголей-Яновских в Васильевке на Полтавщине были люди, которые знали много старинных преданий, песен, обычаев и т. д. Да и сами хозяева дома, ближайшие родные Гоголя, были людьми, чуткими к прекрасному и в то же время жившими в среде, “пропитанной” народным искусством — передающимися от поколения к поколению напевами, историями, мифами и т. д.

Отец Гоголя Василий Афанасьевич был “охотником петь” (как назвал его один из знакомых), а также превосходным рассказчиком и вообще “душой общества”. Бабушка по отцовской линии Татьяна Семёновна знала старинные народные песни, которые Гоголь слышал от неё с самого раннего детства. Мать Мария Ивановна позже по просьбе сына — начинающего литератора — беспрестанно посылала ему в Петербург из Васильевки старинные были и небылицы, тексты народных песен, описание местных обычаев и нравов, обрядов и костюмов (и даже сами костюмы).

Особенно большими познаниями в этой области обладала тётка Гоголя (сестра его матери) — Катерина Ивановна Ходаревская (урождённая Косяровская). От неё Гоголь узнал множество историй из украинского быта, использованных им потом при создании, в частности, “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Но прежде всего, она отличалась музыкальностью, знала большое количество малороссийских народных песен. Сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Голownя писала в своих мемуарах: “Катерина Ивановна хорошо пела, у неё был хороший голос. Большею частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили её петь, в особенности брат любил слушать её пение”².

Ходаревская нередко гостила в Васильевке, иногда подолгу, и была для Гоголя по части песен “главною музою” (по выражению П. А. Кулиша, первого биографа Гоголя). Порой она по целым дням напевала столь любимые Николаем Васильевичем народные мелодии. Для него это стало незабываемым

впечатлением. В одном из писем матери (в 1832 году) он писал: «Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум её песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз подрал бы по коже слушателей» (X, 244).

Ещё в детстве и юности Гоголя проявилась артистичность его природы и восприимчивость к различным искусствам. Он увлечённо участвовал в весёлых забавах молодёжи с песнями и ржаными на Святках и в другие праздники. В. А. Чаговец в книге «О Гоголе и его предках» описывал эти праздничные обычаи на родине Гоголя: «Вся семья бывала в сборе; приезжал и Никоша, «Нежинский гость», как его называли; он-то бывал главным распорядителем во всех этих святочных забавах. Сестры рядились во фраки или в узкий лицейский мундир, выворачивали наизнанку шубы, а мужчины, в том числе и Николай Васильевич, в женское платье... Не обходилось без традиционного чорта, деда, ведьм. И вся эта наряженная компания с визгом, смехом, песнями неслась по улицам села к соседям, весело врываясь в старые помещичьи дома и внося веселье и радость среди полусзаснувших обитателей, старосветских помещиков...»³.

Будучи вообще несколько замкнутым и молчаливым с детства, Гоголь в таких забавах как бы оттаивал, раскрепощался и мог дать волю душе. В. А. Гиляровский в книге «На родине Гоголя» приводит воспоминания старожилы – земляков писателя, – которые рассказывали, что Николай Васильевич «смирный, тихий был. Сядет за стол, бывало, опустит голову, слушает, что говорят. <...> Вот с парубками да с дивчатами – другой совсем: весёлый, песни поет»⁴.

Бывали в тех местах и народные певцы – кобзари, лирники, – в репертуаре которых были как весёлые плясовые напевы, так и притяжные думы, рассказывающие об истории Украины. Сопровождались песнями и плясками крестьянские праздники в Васильевке, которые Гоголь наблюдал ещё в детстве. Иногда местных крестьян приглашали попеть и поплясать в господскую усадьбу. В. А. Чаговец так описывает домашнюю атмосферу, окружавшую Гоголя в родительском доме и в детстве, и в юности, и позже до конца жизни во время его приездов на родину: «На веранде по вечерам собиралось всё многочисленное семейство Гоголей, с тётушками, бабушками, приёмными и приживалками и за чайным столом тихо беседовали или слушали чей-то рассказ, занимаясь рукоделием; здесь же и наш поэт, сидя на ступеньках и опершись спиной о колонну, любил иногда послушать заунывную песню кобзаря, сопровождаемую несложным аккомпанементом дребезжащей кобзы»⁵.

Видимо, полученные в начале жизни впечатления, связанные с народным искусством, были настолько сильны и созвучны душе самого Гоголя, что потом на всю жизнь любовь к песне осталась для него некой отдушиной – неизменным источником радости. Он любил песни слушать и петь, собирал их и видел в них поэтическую живую летопись истории народа. Как подчёркивал биограф Гоголя В. И. Шенрок, «песни <...> сохраняли свою чудную власть над Гоголем во всю его жизнь»⁶.

Таким образом, народная песня для Гоголя была ценна не только её поэтическими и музыкальными образами, но и тем, что она сама по себе напоминала о самых светлых и счастливых впечатлениях детства, которые, по-видимому, многое определили в его дальнейшей судьбе.

* * *

Внимание Гоголя к народным песням проявилось двояко. Помимо непосредственной, идущей из младенческих лет любви к ним, у него многие годы был и исследовательский интерес. Николай Васильевич всю жизнь увлекался собиранием песен – сначала только малороссийских, а потом и русских тоже. Записывал он их тексты непосредственно от певцов, которых он сам слышал. Переписывал из песенных сборников, например, из книги «Малороссийские песни, изданные Михаилом Максимовичем», которая вышла в 1827 году. Первые записи песен Гоголь сделал ещё в гимназические годы в записной книжке, которая называлась «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия».

Позже, живя в Петербурге и работая над «Вечерами на хуторе близ Диканьки», Гоголь зачастую в письмах домой просил прислать ему всевозможные

фольклорные произведения: анекдоты, истории, легенды, сказки, песни. Например, в 1829 году Гоголь писал матери: “У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдными, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них” (X, 144). В 1830 году Гоголь просит её описать старинные “нравы, обычаи, поверья <...> анекдоты и истории <...> забавные, печальные, ужасные” (X, 166). Пишет он об этом и сестре Марии в 1831 году: “Ты так хорошо было начала собирать малор. <оссийские> сказки и песни и, к сожалению, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно” (X, 208-209). Многие песни, посылавшиеся из Васильевки Гоголю в Петербург, были записаны со слов Ходаревской. Гоголь был благодарен ей за это и не раз упоминал о ней в письмах. В 1830 году он писал матери: “Приношу благодарность тётишке Катерине Ивановне, которая решила пожертвовать временем – собрать для меня несколько любопытных песен” (X, 171).

Создавая “Вечера на хуторе близ Диканьки”, Гоголь, наряду со старинными преданиями и легендами, использовал и песни. Ведь они так живо передавали характер народа, его обычаи, чувства и мечты, и, кажется, саму его душу. Песенный язык, песенные образы естественно вливались в создаваемый Гоголем художественный мир как один из его источников. Не случайно в ранних повестях Гоголя так много цитат из народных песен, а герои их нередко поют и пускаются в пляс. Да и сам слог его произведений своей простотой, мелодичностью и яркостью порой как будто идёт вслед песенной стихии, а порой будто соревнуется с ней (например, в “Майской ночи”). А в “Страшной мести” эти две стихии – народного творчества и гоголевского вдохновения – сливаются воедино: песня-дума слепого бандуриста, рассказывающая “про одно старинное дело”, становится (в изложении Гоголя) частью текста этой повести.

После выхода в свет “Повестей, изданных пасичником Рудым Паньком” интерес Гоголя к песням усиливается, приобретает ещё более серьёзный характер. Гоголь опять шлёт в Васильевку запросы о песнях и, получая их, сердечно благодарит. В одном из писем 1833 года он пишет матери: “Более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательные. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов” (X, 285).

* * *

С песенным творчеством украинского народа Гоголь теперь связывал не только сочинение повестей из малороссийской жизни, но и создание фундаментального исторического труда – “Истории Малороссии”. В 1834 году он поместил в трёх газетах (“Северной пчеле”, “Московском телеграфе” и “Молве”) объявление о подготовке такого издания. И теперь уже с просьбой о присылке разнообразных материалов, в том числе и фольклорных, обращался к многочисленным читателям: “Обращаясь ко всем, усердно прошу имеющих какие бы то ни было материалы: записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты, особливо относящиеся к первобытной Малороссии, – присылать их мне, если нельзя в оригиналах, то в копиях” (IX, 76-77).

При этом он очень серьёзно относился именно к песням как к важному источнику исторических сведений, называя их “живыми летописями”. Он писал И. И. Срезневскому в 1834 году: “Каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. <...> Если бы наш край не имел такого богатства песен – я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору” (X, 299).

Правда, задуманная многотомная научная работа так и не была осуществлена. Однако в сборнике “Арабески”, вышедшем в 1835 году, Гоголь

опубликовал две рядные статьи, в которых выразил его пристальный интерес к прошлому родного края, — “Взгляд на составление Малороссии” (при первой, журнальной, публикации это сочинение называлось “Отрывок из истории Малороссии. Том 1, книга 1, глава 1”) и “О малороссийских песнях”. Причём эти две темы — история и народная песня — для него были неразрывно связаны.

В статье о песнях он писал: “Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и он при всей многосторонности её не получил высшей цивилизации, то весь пыл, всё сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворён вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии” (VIII, 90–91).

Но главным памятником, бессмертным монументом, который воздвиг Гоголь историческому прошлому родной земли, стал “Тарас Бульба”. Работа над этой повестью, опубликованной в сборнике “Миргород” в 1835 году, происходила в то же время, когда была задумана и “История Малороссии”. Гоголь в январе 1834 года писал М. П. Погодину: “Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя” (X, 294). Повесть “Тарас Бульба” была написана Гоголем под большим влиянием песенного народного творчества.

В письме к М. А. Максимовичу в ноябре 1833 года Гоголь восклицал: “Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями! <...> Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей...” (X, 284).

Но особенно интересовали Гоголя исторические былины (думы). Он писал в марте 1834 года издателю сборника исторических и фольклорных материалов “Запорожская старина” И. И. Срезневскому: “Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши” (X, 298). И действительно, многие образы (например, Тараса Бульбы и других казаков) и описания некоторых сцен этой повести явно навеяны впечатлениями от песен. И, главное, сам стиль эпопеи близок произведениям народного творчества — историческим балладам, и всё повествование пронизано песенными, былинными интонациями.

Ещё один всплеск интереса к песенному фольклору возник у Гоголя в конце 1830-х — начале 1840-х годов в связи с созданием трагедии “из истории Запорожья” и новой редакции “Тараса Бульбы”. В августе 1839 года Гоголь писал М. П. Погодину: “Малороссийские песни со мною. Запасаясь и тщуясь сколько возможно надыхаться стариной” (XI, 240–241). Тогда же он писал С. П. Шевырёву: “Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается” (XI, 241). По свидетельству В. А. Панова (в письме к С. Т. Аксакову), летом 1839 года Гоголь “перечитывал и переписывал своё огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч.”⁷.

Поскольку замысел создать драму “из истории Запорожья” не осуществился, Гоголь использовал подготовленный литературный материал для новой редакции “Тараса Бульбы”. В результате доработки содержание этого

произведения значительно пополнилось. Вот, например, отрывок из второй редакции повести:

“Кроме рейстровых козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сёл и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: “Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить да пачкать в землю свои жёлтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!” (II, 47).

А вот отрывок из думы об Иване Коновченко:

*На славной Украине,
У славном городе у Корсуне,
Кликне, покликне Хвилоненко,
Корсунський полковник:
“Годе вам, панове-молóдци, домовати!
Идете зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарсьтва козацькому войску доставати!”⁸*

А вот отрывок из другого, более многословного варианта той же думы (в переводе на русский язык):

*На славной Украине, в городе Корсуне,
Там жил корсунский полковник, пан Филон.
Вот и стал он охочее войско снаряжать,
Стал охотника выкликать, —
Кличет-покличет винокуров, броварников,
Горьких пьяниц, голь корчемную:*

*“Эй, кому надоело по винницам вино курить,
Кому надоело по броварням пиво варить,
Время даром терять, —
Идите вы со мной, корсунским полковником,
В войске охочем служить,
Под город Тягыну,
На Черкень-долину,
За веру христианскую крепко стоять,
Рыцарской славы добывать”.*

*Так он объявляет,
В пятницу в город Черкасы отбывает,
А в субботу рано поутру
Цветную хоругвь крещатую выставляет.
Да как крикнет всем сотникам, полковникам,
Атаманам, есаулам,
Козакам молодым
И слугам войсковым:*

*“Эй вы, сотники и полковники,
Атаманы и есаулы,
Идите со мною, корсунским полковником,
В охочее войско воевать,
На Черкень-долину,
Под город Тягыну,
За веру христианскую крепко стоять,
Будем рыцарской славы добывать,
Будем сафьяновые чоботы топтать!”⁹*

Сравнивая эти тексты — Гоголя и исторических песен (дум) — можно заметить, что автор “Тараса Бульбы” не просто взял из песенных текстов самые

яркие слова, но глубоко постиг сам дух песни, — вот что, прежде всего, было близко Гоголю, вот что он, прежде всего, передал в своей исторической эпоее.

Текст повести пронизан интонациями, образами, настроениями дум, повествующих о подвигах казаков, их дальних походах, боях с врагами и их героической гибели. Эти думы — по существу, свидетельства участников и очевидцев событий, — рассказ от первого лица, который потом столетиями передавался от поколения к поколению и при этом сохранил осязаемое дыхание жизни того времени.

При создании повести Гоголь не только использовал слова, образы и сюжеты народных песен. Результат его знакомства с фольклором был гораздо более основательным — “впуская” в текст своего произведения народные сказания о “делах давно минувших дней”, Гоголь фактически предоставил возможность самим героям, самой эпохе поведать о себе и привнести в повесть свою энергетику.

Он сумел создать своё произведение так, что его литературный талант соединился с живым духом минувшей эпохи. Поэтому повесть приобрела необыкновенное качество: на её страницах прошедшее не просто талантливо описано — оно как будто воскресает, возвращаясь из небытия, а точнее — воскресает его дух. Вот почему повесть производит впечатление невероятное: как будто приоткрывается окно в прошлое.

Таким образом, к самому Гоголю можно отнести его слова из статьи “Петербургские записки 1836 года”: “Музыкальный гений из простой, услышанной на улице песни создаёт целую поэму” (VIII, 185). С той лишь разницей, что его гений воспринимал из песен не только мелодическое богатство, не только народный дух, но и глубокие пласты исторического содержания.

* * *

Вообще повышенное внимание к народному искусству было характерно для того времени. Собирались и издавались песни как русские, так и украинские. Максимович писал в предисловии к выпущенному им в 1827 году сборнику: “Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности*; начинает уже сбываться желание — да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные; но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась”¹⁰.

Гоголь в статье “О малороссийских песнях” отметил, что пришло время обществу осознать имеющееся у него богатство народной песенной поэзии и музыки, поэзии — прежде всего: “Только в последние годы, в эти времена стремления к самобытности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе” (VIII, 90). Вот почему, чётко чувствуя этот “вызов времени” (говоря современным языком), Гоголь много лет собирал песни, записывал их лично или с помощью переписчиков в отдельные тетради. Сначала он собирался издавать их совместно с Максимовичем, и в начале 1830-х годов в письмах к нему Гоголь постоянно возвращался к этой теме.

Например, в ноябре 1833 года: “Я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщённых вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. <...> Я вам за то пришлю находящиеся у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно — что многие из них похожи совершенно на антики, на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые” (X, 284-285). В декабре 1833 года: “Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, ещё больше — прекрасных” (X, 289).

Гоголь не раз упоминал о предполагаемом совместном издании песенного сборника, заботясь и о содержании его, и об оформлении. В декабре

1832 года он сообщал Максимовичу: “Тот художник, малоросс, <...> который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посовестился вам посылать. <...> Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки” (X, 249). В январе 1834 года советовал: “Знаешь ли ты собрание Галицких песен, вышедших в прошлом году? <...> Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гдаемое собрание” (X, 292). 26 марта того же года размышлял о порядке расположения песен в готовящемся сборнике: “По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания” (X, 306).

12 марта 1834 года он писал Максимовичу: “Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерём издание, какого ещё никогда ни у кого не было” (X, 302). Для этого издания Гоголь посылал Максимовичу песни, о чём упоминал, в частности, в письме к И. И. Срезневскому 6 марта 1834 года: “Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему не известных. После этого я приобрёл ещё около 150. У Максимовича теперь уже 1200” (X, 300).

В 1834 году (по-видимому, в начале лета) в Москве вышел сборник “Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем”. В предисловии Максимович отметил: “Настоящим богатством моё Собрание обязано участию в труде моём князя П. П. Цертелева – первого издателя Украинских Дум, Н. В. Гоголя – нового историка Малороссии и автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, И. И. Срезневского – издателя “Запорожской Старины”, А. Г. Шпигоцкого, переводчика Валленрода, почтенного И. В. Крамаренка, О. М. Бодянского и некоторых других лиц, коим всем приношу мою благодарность”¹¹.

В том же году вышел и ещё один сборник Максимовича – “Голоса украинских песен”, – включающий не только тексты песен, но и ноты (в аранжировке А. А. Алябьева). В примечании к предисловию говорилось: “Об украинских песнях и музыке оных читатели найдут прекрасную статью г. Гоголя в Журнале Министерства народного просвещения 1834 г. № 4”¹².

Как бы подытоживая всю эту историю совместной работы над собранием песен, Гоголь писал Максимовичу в апреле 1834 года, получив от него первые корректурные листы: “Как бы то ни было, я с радостью ребёнка держу в руках твой первый лист и говорю: “Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!” – как выразился Дельвиг” (X, 312). В этих словах звучат отчасти радость и удовлетворение от завершённого труда, но отчасти и грусть.

Среди исследователей даже есть мнение, что в отношениях двух собирателей песен в этот период произошла некая неясная коллизия в ходе издания. В частности, высказывается такое предположение: “Книга вышла в свет, но... имя Гоголя глухо упомянуто лишь в предисловии М. А. Максимовича. Что произошло между ними – пока остаётся неразгаданной загадкой. Ссоры не было, но какая-то тень пробежала”¹³. И действительно, после столь насыщенной их переписки 1833–1835 годов потом этот оживлённый эпистолярный диалог больше уже не возобновился (за оставшиеся около 17 лет жизни Гоголь адресовал Максимовичу лишь одно весьма лаконичное письмо и две записки), несмотря на то, что они потом несколько раз встречались и дружески общались, в основном, в конце 1840-х – начале 1850-х годов.

В дальнейшем Гоголь, продолжая собирать песни, не намеревался сам их издавать, во всяком случае, не предпринимал для этого практических шагов. А песен за многие годы их собирательства у него накопилось много – сотни. Ещё в феврале 1834 года Гоголь писал в письме к Максимовичу: “Песен я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста, зато известных, верно, около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе” (X, 297–298). Со временем собрание песен у Гоголя продолжало пополняться.

Некоторые из своих песен Гоголь передавал, помимо Максимовича, и другим издателям. Например, А. Л. Метлинский в книге “Народные южнорусские песни”, изданной в Киеве в 1854 году, поместил 7 песен, полученных от Гоголя (через Н. Д. Белозерского). 46 песен Гоголь передал П. В. Кире-

евскому для его издания “Русские народные песни, собранные Петром Киреевским”, вышедшего в 1848 году, правда, они не были туда включены. Как отметил М. Н. Сперанский, опубликовавший в 1912 году несколько десятков песен из гоголевского собрания, “Гоголь не знал хорошо, что Киреевского интересуют великорусские песни. <...> Деликатный Киреевский, хотя и не воспользовался этими песнями, в предисловии 48 года с благодарностью помянул и Гоголя, правдиво, но глухо отметив, что песни “идут из разных мест России”¹⁴.

Помимо книги Сперанского, десятки русских и украинских песен из гоголевского архива были опубликованы в 1908 году в издании Г. П. Георгиевского “Песни, собранные Н. В. Гоголем”. Этим, конечно, весь песенный архив Гоголя не исчерпывается. Ведь, по его собственному признанию, у него в 1834 году накопилось уже около тысячи песен, а потом это собрание ещё увеличивалось. Однако в своём полном составе эти материалы не сохранились. Со временем в различных архивах обнаруживались всё новые и новые песни, собранные Гоголем. Так, в 1959 году сообщалось: “В середине тридцатых годов писатель приступает к упорядочению собранных песен. <...> В результате этого упорядочения значительная часть песен была тщательно переписана (самим Гоголем либо переписчиком) в нескольких тетрадах. До настоящего времени обнаружено три таких тетради, из них последняя, содержащая 150 исторических песен, обнаружена сравнительно недавно”¹⁵.

Песни в собрание Гоголя попадали разными путями. Были там и те, которые он услышал лично от народных певцов и записал, и те, которые он получал из Васильевки от родных, и те, которые он заимствовал из других собраний, в частности, известного этнографа З. Я. Ходаковского. Как отмечал С. А. Красильников, “общее количество заимствованных Гоголем из собрания Ходаковского песен доходило до 225”¹⁶. Точное количество песен, собранных Гоголем, до сих пор не известно. Нет полной ясности и в других вопросах — какие именно песни Гоголь нашёл сам, какие — переписал из других собраний; сколько песен Гоголя вошло в сборники Максимовича и какие именно это песни (хотя некоторые из них установлены, но это единицы, а Гоголь всего передал Максимовичу их десятки, если не сотни). Словом, в этом гоголевском песенном хозяйстве по-прежнему присутствует та “ужасная путаница”, которая образовалась там ещё при жизни Гоголя.

* * *

Но зато всё вполне ясно, когда речь идёт о Гоголе как о человеке, который просто любил послушать народные песни, а при хорошем расположении духа — и спеть, а иногда даже и сплясать при этом. Тут уже имел место не исследовательский интерес писателя и историка к национальным традициям — тут уже была часть его собственной жизни. Знакомые с детства мотивы, как невидимая нить, связывали его всю жизнь с родной землёй, с чем-то очень дорогим и заветным.

Жизнь за границей, богатая событиями, не затмила для него радости воспоминания об этих милых душе впечатлениях детства и юности. П. В. Анненков так описал одну из прогулок с Гоголем в Риме, где он заканчивал работу над первым томом “Мёртвых душ” и находился по этой причине в весьма приподнятом настроении: “Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывёртывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню”¹⁷.

Источником веселья остались для Гоголя песни до конца жизни. Приезжая в разные годы погостить к матери и сёстрам в Васильевку, он снова попадал в атмосферу детства и юности. Всё так же пела порой целыми днями малороссийские песни голосистая тётюшка Катерина Ивановна. Повзрослевшие сёстры уже и сами играли на фортепиано, и не только популярные пьесы известных композиторов, но и народные мелодии. Особенные способности обнаружила младшая сестра Ольга, которую Гоголь обычно просил сыграть, а все домашние, включая и его самого, пели под этот аккомпанемент.

На основе её воспоминаний В. А. Чаговец описывал это совместное пение так: “По вечерам Ольга Васильевна садилась за рояль, раскрывала “Сборник малороссийских песен” и начинала играть. Николай Васильевич был постоянным и внимательным слушателем, иногда он подпевал тихим тенорком или же, притоптывая в такт ногой, громко говорил сестре: “Живее, живее, громче, вот так, вот так!” И послушные пальцы, бегая по клавишам, наигрывали “Метельцю” или какую-либо иную любимую песню”¹⁸.

А. Н. Мошин, побывавший в Васильевке в начале XX века, записал воспоминания Ольги Васильевны Гоголь-Головня о Гоголе: “Он любил слушать, как поют или играют. Меня часто просил играть ему на фортепиано малороссийские песни. “А ну-ка, – говорит, – сыграй мне “Чоботы”... Стану играть, а он слушает и ногой притоптывает... Ужасно любил он малороссийские песни”¹⁹.

Любил Гоголь, как и прежде, послушать народных певцов, выступления которых, по-видимому, были для него поводом не только повеселиться, но и углубиться в серьёзные размышления об исторической судьбе и душе народа, сложившего эти мелодичные “живые летописи” о своей жизни. В. А. Чаговец пишет: “Вообще Николай Васильевич любил музыку, любил пение, его душа была чутка ко всякому музыкальному звуку, и, слушая пьесу или песню, он уносился всем своим существом в поэтические грёзы и мечтания... Пригласит, бывало, старика-лирика, усадит его на крыльце дома, угостит, накормит и попросит спеть про старину... Плачет кобза, дрожит старческий голос певца, а поэт слушает его, опершись о перила, и рисуются перед ним образы былого могучего козачества... Но вдруг старик обрывает свою думу на полуслове, крикнет и лёгким перебором начнет “жартовливу” песню... да так ушкварит, что еле усидишь на месте... Куда делась старческая дряхлость, откуда взялся огонь в очах, ещё недавно тускло глядевших из-под нависших бровей!... Этот-то контраст малорусской песни особенно нравился поэту, и о нём он говорит в своих сочинениях”²⁰.

А. Н. Мошин приводит воспоминания О. В. Гоголь-Головня о подобном случае: “Видела я, как он раз нищих позвал, и они ему пели... Но это он хотел сделать так, чтобы никто из нас не видел: он позвал их к себе в комнату... Брат жил тогда во флигеле... Я рассказала этот случай художнику Волкову, а он картину такую написал”²¹.

* * *

Со временем возрастал интерес Гоголя и к русским народным песням, которых немало появилось в его собрании и которые оказали явное влияние на его творчество. Живя за границей, он в числе прочих материалов, рассказывающих об истории России, просил прислать ему и песни. В 1837 году он писал из Рима Н. Я. Прокоповичу: “Если что-нибудь вышло по части русской истории, <...> пожалуйста, пришли <...> или хорошее издание русских песен, или малороссийских песен” (XI, 116).

В русской песне Гоголь чувствовал и характерные черты национального характера, и образ исторической судьбы народа. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” (в главе “В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность”) он писал: “В наших песнях <...> мало привязанности к жизни и её предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе с звуками” (VIII, 369). Влияние русских народных песен, в которых выражена стихия русской природы и другая стихия – русской души, явно проявляется в “Мёртвых душах”, о которых В. Г. Белинский заметил, что “пафос поэмы <...> состоит в противоречии общественных форм русской жизни к её глубоким субстанциональным началам, доселе ещё таинственным, доселе ещё не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения”²².

Созвучны этому замечанию критика слова самого Гоголя в “Выбранных местах...” о загадке русской души, выразившейся в народной песне: “Ещё доселе загадка – этот необъяснимый разгул, который слышится в наших песнях, несётся куды-то мимо жизни и самой песни, как бы сгораемый желаньем лучшей отчизны, по которой тоскует со дня создания своего человек” (VIII, 408).

К. С. Аксаков, размышляя о своеобразии украинских и русских народных песен под впечатлением от поэмы “Мёртвые души” и других произведений

Гоголя, отмечал, что художественный характер Малороссии “высказывается в её многочисленных, мягких звуками песнях, живых и нежных, округлённых в своих размерах. <...> А русская песня, которую так часто вспоминает Гоголь в своей поэме, русская песня! Что лежит в ней? Как широк напев её! Кажется, дух и образ великого, могучего пространства, о котором так прекрасно говорит Гоголь, лежит в ней. Нет ей конца, бесконечная песня, как называет её он же. В самом деле, нельзя сказать, что русская песня оканчивается; она не оканчивается, но уносится. Когда слушаешь, как широкие волны звуков раздаются слабее и слабее и, наконец, затихают так, что слух едва ловит последние звуки русской песни – нет, она не кончилась, она унеслась, удалилась только и где-то поётся, вечно поётся”²³.

Интересно размышление А. И. Герцена о характере русских народных песен, в том числе и по сравнению с украинскими, отчасти переключаясь на мысли Гоголя, высказанными в “Мёртвых душах” и других произведениях: “Все поэтические начала, бродившие в душе русского народа, находили себе выход в необычайно мелодичных песнях. Славянские народы – народы-певцы в подлинном значении этого слова. <...> Русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания. Он постоянно поёт: и когда работает, и когда правит лошадьми, и когда отдыхает на пороге избы. Отличает его песни от песен других славян, и даже малороссов, глубокая грусть. Слова их – лишь жалоба, теряющаяся в равнинах, таких же беспредельных, как его горе, в хмурых еловых лесах, в бесконечных степях, не встречая дружеского отклика. Эта грусть – не страстный порыв к чему-то идеальному, в ней нет ничего романтического, ничего, похожего на болезненные монашеские грёзы, подобно немецким песням, – это скорбь сломленной роком личности, это упрёк судьбе, “судьбе-мачехе, горькой долюшке”, это подавляемое желание, не смеющее заявить о себе иным образом, это песня женщины, угнетаемой мужем, и мужа, угнетаемого своим отцом, деревенским старостой, наконец, – всех угнетаемых помещиком или царём; это глубокая любовь, страстная, несчастливая, но земная и реальная. Среди этих меланхолических песен вы слышите вдруг шум оргии, безудержного веселья, страстные, безумные выкрики, слова, лишённые смысла, но опьяняющие и увлекающие в бешеный пляс, который совсем не похож на драматический и грациозный хороводный танец”²⁴.

В неоконченной статье “Учебная книга словесности для русского юношества”, над которой Гоголь работал предположительно в первой половине 1840-х годов, рассматривая различные жанры и роды поэзии, он в разделе “Песня” отметил особенное значение этого жанра в народном искусстве и его взаимосвязь с развитием в дальнейшем литературы, поэзии: “Песня составляет самый богатый отдел поэзии у народов славянских. Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное мелодическое расположение нашего языка были причиной происхождения бесчисленного множества песен в нашей словесности, которые уже и вдревле, когда слова не записывались и словесность, не переходя в письменность, оставалась в буквальном смысле словесностью, составляли наше достояние” (VIII, 474).

По воспоминаниям М. А. Максимовича, с которым Гоголь летом 1850 года отправился из Москвы в Малороссию, Николая Васильевича очень заинтересовало услышанное им по дороге пение местных крестьянок. Вот рассказ об этом случае (в записи П. А. Кулиша):

“Это было в Севске, на Ивана Купалу. Проснувшись на заре, наши путешественники услышали неподалёку от постоялого двора какой-то странный напев, звонко раздававшийся в свежем утреннем воздухе.

– Поди послушай, что это такое, – просил Гоголь своего друга, – не купальные ли песни? Я бы и сам пошёл, но ты знаешь, что я немножко из-под Глухова.

Г. Максимович подошёл к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем. <...>

Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выражениями своих чувств, что начали думать вслух тоническими стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: “Солнышко ты моё

красное!” — и тем “живо напоминали мне (говорил г. Максимович) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на забороле...”

Когда он рассказал обо всём виденном и слышанном поэту из-под Глухова, тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им, при случае, в “Мёртвых душах”²⁵.

Во втором томе “Мёртвых душ”, над которым тогда работал Гоголь, описано сложное неоднозначное восприятие народной песни, звучащей во время гулянья на реке. Возможно, автор “разделил” своё собственное противоречивое впечатление между различными персонажами, слышащими в пении гребцов разное? Вот эта сцена совместного исполнения-слушания-переживания русской народной песни, в которой участвуют действующие лица второго тома поэмы:

“Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла начальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И Петух, востепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский. Один только Платонов думал: “Что хорошего в этой заунывной песне? От неё ещё большая тоска находит на душу” (VII, 55).

Но, наверное, самым точным и полным выражением чувств Гоголя в отношении русской песни являются слова из первого тома “Мёртвых душ”, необыкновенная лирическая сила которых живо показывает состояние его души, встретившейся с народной песенной стихией: “Русь! <...> Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?” (VI, 220-221).

Гоголь тонко подметил существенную разницу в характере русских и малороссийских народных песен. В 1833 году в статье “О малороссийских песнях” он писал: “Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни: она стремится уйти от неё и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью — звуки её так живы, что, кажется, не звучат, а говорят: говорят словами, выговаривают речи, и каждое слово этой яркой речи проходит душу” (VIII, 96).

Объединяя свои впечатления и от русских, и от украинских песен, Гоголь писал в “Петербургских записках 1836 года” вообще о “славянской певучей природе”, которой свойственно сопровождать песней многие важные события в жизни человека и народа: “Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное: дворянство и недворянство — летит под песни ямщиков. У Чёрного моря безбородый смуглый, с смолистыми усами козак, заряжая пищаль свою, поёт старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей лядине, русский промышленник бьёт острой кита, затягивая песню” (VIII, 184).

Гоголь по-разному воспринимал и любил русские и малороссийские народные песни, и, по-видимому, разное место в его жизни они занимали, но и те, и другие глубоко волновали его душу. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” он признавался: “Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущает в себе того же” (VIII, 289).

* * *

Всю жизнь для Гоголя народные песни (поначалу — именно малороссийские, а потом — и русские тоже) оставались одним из самых светлых впечатлений. Поэтому и с людьми, разделявшими это его пристрастие, ему было особенно легко. Исчезала его обычная замкнутость, застенчивость. По воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, с которой Гоголь познакомился, будучи совсем молодым, начинающим литератором, он очень смущался в её обществе.

Но всё изменилось, когда Александра Осиповна заговорила о впечатлениях своего детства, которое прошло в Малороссии, о природе и культуре этого края. Она вспоминала о своём общении с Гоголем в это время: “С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком камыше и бурьяне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему “Не ходи, Грицько, на вечерниці”²⁶.

А знакомство Гоголя с М. С. Щепкиным началось, вместо обычных приветствий, с песенного куплета. Сын знаменитого артиста П. М. Щепкин вспоминал: “Как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять – у нас всегда много собиралось; стол по обыкновению накрыт был в зале; дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошёл в переднюю новый гость, совершенно нам не знакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем нам известной малороссийской песни:

*Ходит гарбуз по горóду,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?*

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнанный, что мой отец тоже, как и он, из малороссов”²⁷.

Любил Гоголь бывать и у Аксаковых, где встречал всегда тёплый приём и повышенное внимание к его творчеству, заходил к ним “на вареники”, а летом бывал у них на даче в Абрамцево. В семействе Аксаковых Гоголь находил полное понимание своего увлечения народными песнями. Здесь их тоже ценили, любили послушать и попеть. Особенно хорошо их исполняла одна из дочерей С. Т. Аксакова – Надежда. Гоголь часто встречался с Аксаковыми в последние годы, когда жил в Москве. Порой вечером он приходил к ним, и они все вместе слушали и пели русские и украинские песни.

О. М. Бодянский, побывав в гостях у Гоголя, записал в своём дневнике 12 мая 1850 года: “Прощаясь, он спросил меня, буду ли я на варениках? <...> Под варениками разумеется обед у С. Т. Аксакова по воскресеньям, где непременно блюдом были всегда вареники для трёх хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второю дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по “Голосам украинских песен”, изданных Максимовичем, и кой-каким другим сборникам”²⁸.

Вера Сергеевна Аксакова писала об одном из таких вечеров И. С. Аксакову: “Вчера Гоголь сидел до половины первого, так был оживлён, пел малороссийские песни, что весело и интересно было его видеть”²⁹.

В другом письме (в феврале 1850 года) тому же адресату она рассказывала: “У нас часто поются малороссийские песни. Гоголь почти всякий раз просит Наденьку петь, а Максимович даже вместе поёт и учит. Любопытно видеть, какое сильное производят на них впечатление родные звуки. Они совершенно забываются, притоптывают ногами, и будь одни, непременно, кажется, заплясали <бы>. Недоставало ещё Бодянского. В воскресенье все опять соберутся на вареники и песни”³⁰.

Ещё в одном письме в феврале 1850 года В. С. Аксакова отмечала: “Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поёт их (малороссийские песни. – **И. М.**), разумеется, не умея петь, но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает её всеми средствами – и жестами, и голосом, и лицом, а Максимович перед ним стоит и также забывает всё вокруг себя, поёт и топчет ногами, и разводит руками, но только выражая нежную сторону Малороссии. Бодянский же, было, припрыгнул с самого начала пения, но потом сконфузился и держал себя смиренно, но тоже пел; все трое вспоминали прежние песни, а маменька клала их на ноты”³¹.

Сергей Тимофеевич Аксаков писал сыну Ивану в феврале 1850 года о своих гостях – Гоголе, Максимовиче и Бодянском: “По воскресеньям три хохла

у нас обедают и дают безденежно такое представление, за которое не грех и заплатить деньги. Они поют с большим выражением малороссийские песни и почти пляшут. Мы никого в этот день не зовём, чтобы им не мешать”³².

В июне 1851 года В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской рассказывала: “В воскресенье в ожидании наших я сидела у окна. Слышу, что кто-то напевает малороссийскую песню, это был Гоголь, он приходил осведомляться, приехали ли все из деревни. <...> На другой день Гоголь пришёл к обеду, принёс новые малороссийские песни (записанные у него дома в деревне), за которые мы и принялись после обеда”³³.

Надежде Сергеевне Аксаковой Гоголь напевал малороссийские песни, чтобы она положила мелодии на ноты. О. М. Бодянский, вспоминая о своём разговоре с Гоголем в январе 1852 года, приводит, в частности, такие слова Николая Васильевича: “Я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя-тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Надежда Сергеевна положила на ноты с моего козлинного пеня; да при этом упьёмся и прежними нашими песнями”³⁴.

Подобные свидетельства современников Гоголя (воспоминания, дневники, письма) не вполне соответствуют давно устоявшемуся представлению о последних годах жизни Гоголя как о периоде мрачных настроений, упадка и болезни. Публика, в большинстве своём не поняв и не приняв последнюю книгу Гоголя – “Выбранные места из переписки с друзьями”, – пыталась объяснить появление этого произведения болезнью автора, его чрезмерным увлечением религией и загадочными переменами в его характере. Правда, ко времени возвращения Гоголя из-за границы в Россию (в 1848 году) в основном страсти по его книге улеглись, и даже с Аксаковыми (которые тоже отрицательно восприняли “Выбранные места...”) отношения снова наладились. Но однако шлейф слухов, догадок и непонимания остался. И некий стереотип о Гоголе конца 1840-х – начала 1850-х годов как о мрачном, болезненном и чуждающемся общения человеке существует, кажется, в неизменном виде до сих пор. В этом плане интересны воспоминания современников, которые имели случай непосредственно убедиться, что подобные слухи приписывают Николаю Васильевичу много лишнего и не имеющего к нему отношения. В том числе это и воспоминания о Гоголе – любителя в часы отдыха повеселиться в кругу близких друзей, ценителя искусства, не оставившем до конца дней своего любимого занятия – собирания народных песен.

* * *

О. М. Бодянский и Г. П. Данилевский побывали в гостях у Гоголя в конце октября 1851 года, за четыре месяца до его смерти. Г. П. Данилевский рассказывал об этом визите: “Молва о помешательстве Гоголя, действительно, в то время была распространена в обществе. Говорили странные вещи: будто Гоголь окончательно отрёкся от своего писательского призвания, будто он постится по целым неделям, живёт, как монах, читает только Ветхий и Новый Завет и жития святых и, душевно болея и сильно опустившись, относится с отвращением не только к изящной литературе, но и к искусству вообще.

Все эти мысли по поводу Гоголя невольно проносились в моей голове в то время, когда извозчицы дрожки по Никитскому бульвару везли Бодянского и меня к дому Талызина. Одно меня несколько успокаивало: Гоголь пригласил к себе певца-малоросса, этот певец должен был у него петь народные украинские песни, – следовательно, думал я, автор “Мёртвых душ” не вполне ещё стал монахом-аскетом, и его душе ещё доступны произведения художественного творчества. <...>

Дверь растворилась. У её порога стоял Гоголь. <...>

– А где же наш певец? – спросил, оглядываясь, Бодянский.

– Надул, к Щепкину поехал на вареники! – ответил с видимым неудовольствием Гоголь. – Только что прислал извинительную записку, будто забыл, что раньше нас дал слово туда. <...>

Мои опасения рассеялись. Передо мной был не только не душевнобольной или вообще свихнувшийся человек, а тот же самый Гоголь, тот же могучий и привлекательный художник, каким я привык себе воображать его с юности”³⁵.

Такой вот контраст: ожидали найти сильно изменившегося Гоголя — болезненного, хмурого и нелюдимого, а встретили человека, живо интересующегося прекрасным, радушного и приветливого. И песня, вернее, непреходящий интерес к ней Гоголя, помог его знакомым увидеть в нём прежнего Гоголя — великого художника, продолжающего творчески работать, любящего жизнь, искусство.

Эта история с не пришедшим артистом имела продолжение почти анекдотическое. Тот же певец через несколько дней был приглашён выступать уже в доме Аксаковых. Послушать его пришли туда Гоголь, Бодянский и Данилевский. А певец опять не явился (теперь уже без всяких объяснений), что, по-видимому, даже расстроило Гоголя.

Г. П. Данилевский вспоминал об этом вечере: “Подъехал, наконец, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутив насчёт нового запоздания певца, он, после первого стакана чаю, сказал Н. С. Аксаковой: “Не будем терять дорогого времени”, — и просил её спеть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Все подошли к роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусских песен, из которых некоторые были ею положены на ноты с голоса самого Гоголя.

— Что спеть? — спросила она.

— “Чоботы”, — ответил Гоголь.

Н. С. Аксакова спела “Чоботы”, потом “Могилу”, “Солнце низенько” и другие песни.

Гоголь остался очень доволен пением молодой хозяйки, просил повторять почти каждую песню и был вообще в отличном расположении духа. Заговорили о малорусской народной музыке вообще, сравнивая её с великорусской, польской и чешской. <...> Но не прошло после того и десяти минут, Гоголь вдруг замолк, насунился, и его хорошее настроение бесследно исчезло”³⁶.

Вообще рядом с людьми, хорошо знакомыми, Гоголь как бы оттаивал душой, расковывался и мог позволить себе веселиться, как когда-то в молодости. Как отмечал П. А. Кулиш, “Гоголь чувствовал себя своим в домах московских друзей своих. Он мог ребячиться там так же, как и в родной Васильевке, мог распевать украинские песни своим, как он называл, “козлиным” голосом, мог молчать, сколько ему угодно, и находил всегда не только внимательных слушателей в те минуты, когда ему приходила охота читать свои произведения, но и строгих критиков”³⁷.

Больше всего могли понять неизменное пристрастие Гоголя к народным напевам его земляки. П. А. Кулиш писал: “Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии О. М. Бодянского на вечера к Аксаковым, которые он (Гоголь. — И. М.) посещал чаще всех других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: “Упьюсь песнями нашей Малороссии”, и, действительно, он упивался ими так, что иной куплет повторял раз тридцать кряду, в каком-то поэтическом забытьи, пока, наконец, надоедал самым страстным любителям малороссийских песен, и земляки останавливали его словами: “Годи, Мыколо, годи!”³⁸.

Наверное, эти радостные впечатления от слушания, пения и собирания народных песен остались чуть ли не единственным поводом для безмятежного веселья у Гоголя в его последние годы. И людям, общавшимся с ним, это было хорошо заметно. В последние дни Гоголя (во второй половине января 1852 года) его настроение было омрачено известием о тяжёлой болезни Е. М. Хомяковой. Тогда Н. С. Аксакова, чтобы отвлечь его от печальных мыслей, напомнила ему вновь о песнях. Об этом В. С. Аксакова рассказывала в письме матери Гоголя, Марии Ивановне:

“После половины января <1852 г.> я с сестрою Надей поехала в Москву. Как приехали, дали знать Николаю Васильевичу. Он навестил нас, и мы нашли его довольно бодрым; но в это время занемогла жена Хомякова, сестра Языкова, с которым Николай Васильевич был так дружен. Всех очень встревожила и огорчила болезнь такой молодой женщины. Николай Васильевич навещал нас через день; хотя на короткое время, но приходил непременно узнать, что у нас делается, какие вести из деревни... Вы, может быть, слышали, что у нас как-то певались малороссийские песни, и Николай Васильевич сам их напевал для того, чтобы класть на ноты. Желая ему сделать приятное, сестра предложила ему заняться опять песнями”³⁹.

По-видимому, столь любимая Гоголем народная песня представлялась Н. С. Аксаковой последним средством, способным вернуть Николаю Васильевичу прежнее душевное спокойствие, — той “соломинкой”, за которую мог бы ухватиться утопающий.

Таким образом, история гоголевской любви к народной песне, начавшаяся в детстве, продлилась до последних его дней. Народная культура вообще и народная песня в частности стали тем источником, из которого взяло своё начало творчество Гоголя, чтобы потом, вырастая и возвышаясь, перелететь через все границы и достичь мирового масштаба и мирового признания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 тт. М.: Академия наук СССР, 1937–1952. Т. V. С. 170–171. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.
- ² Гоголь-Головня О. В. Из семейной хроники. Мемуары. Киев, 1909. С. 41.
- ³ Чаговец В. А. О Гоголе и его предках: исследования и материалы. Киев, 1902. С. 37–38.
- ⁴ Гиляровский В. А. На родине Гоголя. (Из поездки по Украине.) М., 1902. С. 8.
- ⁵ Чаговец В. А. О Гоголе и его предках: исследования и материалы. Киев, 1902. С. 31.
- ⁶ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2. С. 131.
- ⁷ Аксаков С. Т. Полное собрание сочинений. СПб, 1886. Т. 3. С. 363.
- ⁸ Максимович М. А. Сборник украинских песен, издаваемый Михайлом Максимовичем. Киев, 1849. С. 81–82.
- ⁹ Украинские народные думы в переводах Бориса Турганова. М., 1963. С. 52–53.
- ¹⁰ Максимович М. А. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. С. 1.
- ¹¹ Максимович М. А. Украинские народные песни, изданные Михайлом Максимовичем. М., 1834. С. III–IV.
- ¹² Максимович М. А. Голоса украинских песен, изданные Михайлом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева. Второе издание. М., 1961. С. 5.
- ¹³ Ухов П. Д. Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен. // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1959, т. XVIII, вып. 1. С. 37.
- ¹⁴ Сперанский М. Н. К истории собрания песен Н. В. Гоголя. Нежин, 1912. С. 15.
- ¹⁵ Айзеншток И. Я. Гоголь — собиратель народных песен. // Журнал “Звезда”. 1959, № 4. С. 218.
- ¹⁶ Красильников С. А. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя. // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М., 1936. С. 396.
- ¹⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 88.
- ¹⁸ Чаговец В. А. На родине Гоголя. Киев, 1902. С. 31.
- ¹⁹ Мошин А. Н. Ясная Поляна и Васильевка. СПб, 1904. С. 53.
- ²⁰ Чаговец В. А. На родине Гоголя. Киев, 1902. С. 30–31.
- ²¹ Мошин А. Н. Ясная Поляна и Васильевка. СПб, 1904. С. 53.
- ²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. VI. М.: АН СССР, 1955. С. 430–431.
- ²³ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мёртвые души. // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 149–150.
- ²⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 7. М., 1956. С. 185–186.
- ²⁵ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 575–576.
- ²⁶ Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 398–399.
- ²⁷ Веселовский В. И. Первое знакомство Гоголя с Щепкиным. // Русская старина. 1872, № 2. С. 282–283.
- ²⁸ Бодянский О. М. Дневник. // Русская старина. 1888, ноябрь. С. 409.
- ²⁹ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 726.

- ³⁰ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 725-726.
- ³¹ Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952. Т. 58. С. 726-727.
- ³² ИРЛИ РАН, ф. III, оп. 3, № 13, л. 78 об.
- ³³ Аксаков С. Т. Собр. соч. В 3-х тт. М., 1986. Т. 3. С. 234-235.
- ³⁴ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 593.
- ³⁵ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 436-437.
- ³⁶ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 442-443.
- ³⁷ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 589.
- ³⁸ Кулиш П. А. Николай Васильевич Гоголь. Опыт биографии. М., 2003. С. 135.
- ³⁹ Аксаков С. Т. Собр. соч. В 3-х тт. М., 1986. Т. 3. С. 242.